

Воспоминания йоркширского натуралиста (Продолжение)¹

У.К. Уильямсон

Глава XI

Приглашение дать пятничную вечернюю лекцию для Британской Ассоциации в Брэдфорде. – Лекции в Королевском институте. – Лекции Гилкреста. – Второй брак. – Маккензи Уолкотт. – Пещера Викторши. – Д-р Райл. – Зарисовки Тирлмера. – Визит в Болтонское аббатство. – Собрание Британской Ассоциации в Бристоле. – Собрание Британской Ассоциации в Глазго. – Экспедиция на Арран. – Пресвитерианские мнения. – Poleмика с герцогом Аргайлом. – Второй визит на Арран. – Арранский лес.

Весной 1873 года я получил приглашение от Совета Британской Ассоциации содействия развитию науки выступить в пятницу вечером с лекцией, и поскольку следующая встреча должна была состояться в Брэдфорде, центре крупного угольного района Йоркшира, Совет особенно хотел, чтобы моя лекция каким-то образом охватила преобладающую местную промышленность. У меня не было ни сил, ни настроения участвовать в подобных мероприятиях, и поэтому я уже собирался отклонить приглашение, но мои дети воспротивились этому. Они настаивали на том, что совет оказал мне большую честь, пригласив меня выступить с этой лекцией, и что сама перспектива лекции и усилия по подготовке к ней во многом восстановили бы мою энергию до обычного уровня. Не в силах сопротивляться их заботливым призывам, я взялся за это дело. Дав согласие, я решил выполнить эту работу эффективно и таким образом, чтобы она стала вкладом в мою кампанию против броньяровской ереси, которая тогда преобладала в Европе и Америке.

По мере приближения заседания ассоциации общественная пресса все больше запутывалась в двух именах. Председателем собрания в тот год был Александр Уильямсон², химик, в то время как я, конечно, представлял биологов и геологов. В газетах нас постоянно смешивали, тогда «Таймс» попыталась разъяснить ситуацию общественности, но преуспела лишь в увеличении путаницы.

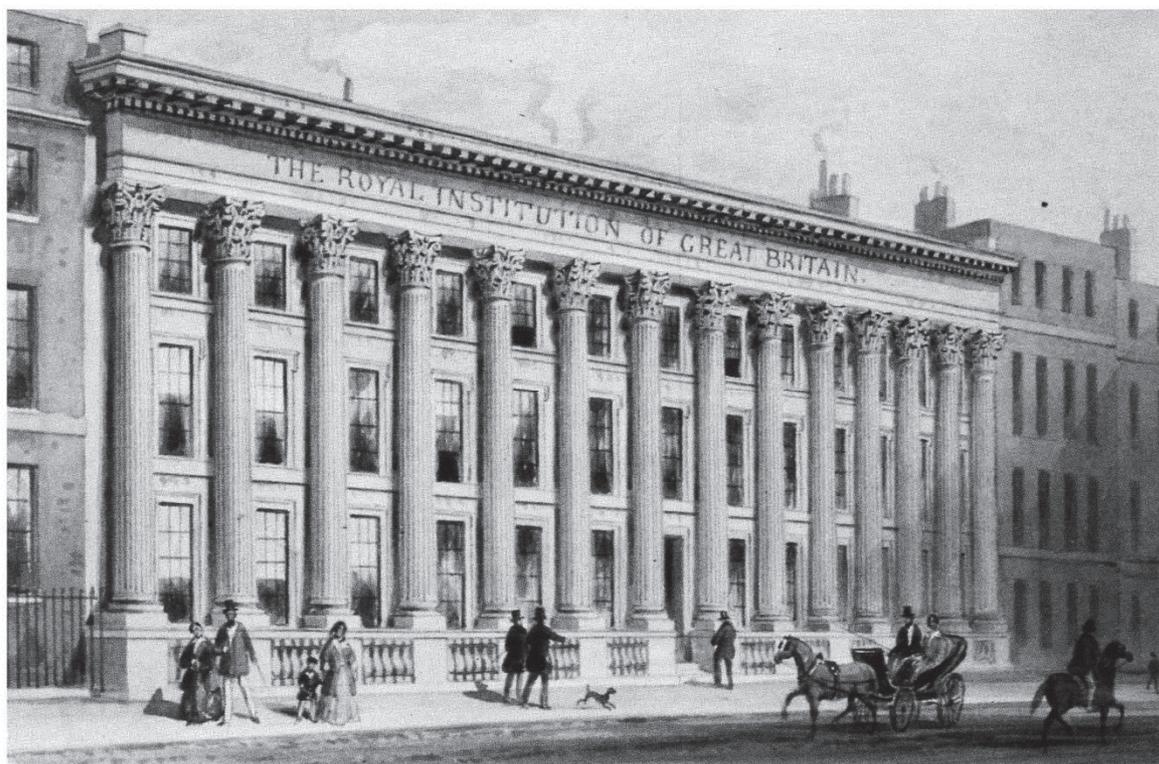

Александр Уильям Уильямсон

Все это вызвало всеобщее веселье, когда президент представил меня аудитории и я поднялся на трибуну по его приглашению. Я подготовился к своей работе с величайшей тщательностью, и лекция была признана успешной. Прежде чем мы покинули трибуну, присутствовавший там г-н

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. – Т. 20. – С. 88–98; Т. 21. – С. 134–142; Т. 22. – С. 63–69; Т. 23. – С. 115–125; Т. 24. – С. 125–135; Т. 25. – С. 131–139; Т. 26. – С. 83–88; Т. 27. – С. 101–107; Т. 28. – С. 78–84.

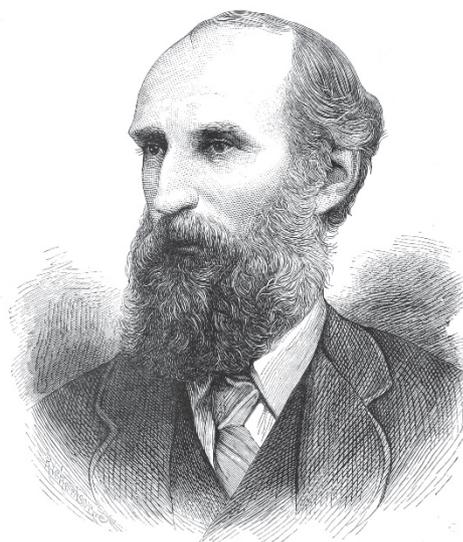
² Александр Уильям Уильямсон (1824–1904) – британский химик-органик. (Ред.)

Королевский институт Великобритании

Споттисвуд³ попросил меня прочитать курс дневных лекций в Королевском институте⁴ на Олбемарл-стрит. Впоследствии это привело к тому, что покойный сэр Уильям Боумен⁵ пригласил меня прочитать второй дневной курс, а также одну из пятничных вечерних лекций. Примерно в это же время по всей Англии и Шотландии возник спрос на лекции по естественным наукам. Этот запрос был поддержан попечителями Фонда Гилкреста⁶, в штат которого я был зачислен. В результате, с 1874 по 1880 год включительно я прочитал в шестидесяти одном городе сто пятьдесят восемь лекций по различным отраслям наук, входившим в круг моих интересов и совершенно не связанным с моими лекциями в Оуэнсовском колледже. Мои связи с Фондом Гилкреста продолжались до 1890 года, и в течение последних десяти лет количество прочитанных лекций было, по крайней мере, таким же, как и в предыдущие годы.

Во время встречи Ассоциации в Брэдфорде я был гостем г-на Генри, ныне сэра Генри

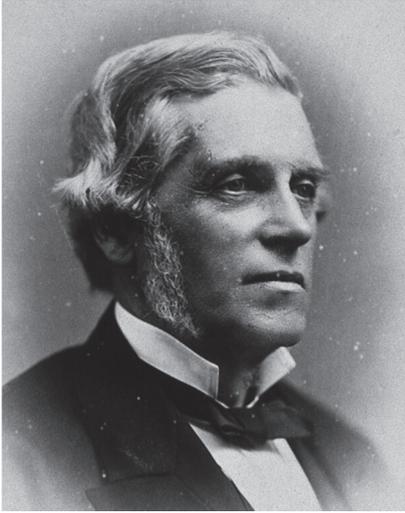
Уильям Споттисвуд

³ Уильям Споттисвуд (1825–1883) – британский математик и физик, избирался президентом Британской Ассоциации содействия развитию науки и Лондонского Королевского общества. (Ред.)

⁴ Королевский институт Великобритании, располагавшийся в Лондоне. Создан в 1799 году с целью содействия массовому образованию и прикладным научно-техническим исследованиям. В институте читались общедоступные лекции по различным областям знания. (Ред.)

⁵ Уильям Боумен (1816–1892) – британский хирург, гистолог и анатом. (Ред.)

⁶ Британская благотворительная организация, ставившая своей задачей поддержку образования. (Ред.)

Уильям Боумен

Генри Митчелл

Митчелла⁷, главы Брэдфордского филиала крупной фирмы «А. и С. Генри и К^о». Когда я прибыл в его дом в Мэннингеме, меня встретила овдовевшая сестра сэра Генри, которая в течение многих лет присматривала за его домом. Мой друг г-н Пенджелли⁸ и популярный уэслианский проповедник Морли Паншон⁹ также были гостями. К концу недели меня случайно представили дочери моей хозяйки. На пасхальной неделе следующего года я снова навестил сэра Генри и снова встретился с мисс Хитон, результатом этой встречи стала наша помолвка и свадьба в следующем году.

Осенью 1874 года мы остановились в «Девоншир Армз» в Уорфедейле, Болтон, когда встретили в том же отеле джентльмена, хорошо известного мне по его работам об архитектуре, но которого я никогда раньше не встречал. Это был преподобный Маккензи Уолкотт¹⁰, регент Чичестерского кафедрального собора и выдающийся автор многих широко известных публикаций, посвященных аббатствам и соборам Великобритании. Наш новый знакомый и миссис Уолкотт сопровождали нас в аббатство, и он поделился с нами своим прекрасным знанием истории и прежних очертаний, а также характерных особенностей, отличавших Болтонское аббатство от других подобных реликвий ушедших веков. Во время на-

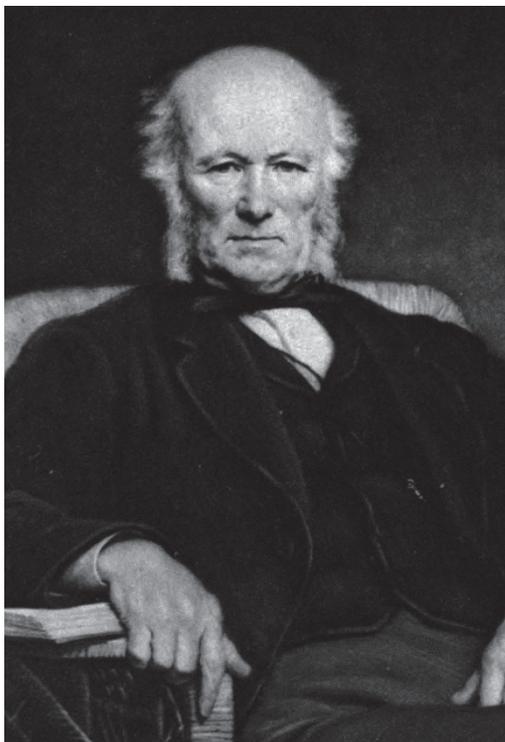
Болтонское аббатство

⁷ *Генри Митчелл* (1826–1910) – английский хирург, торговец хлопком, политик, дважды избирался членом парламента. (Ред.)

⁸ *Уильям Пенджелли* (1812–1894) – британский геолог и археолог. (Ред.)

⁹ *Уильям Морли Паншон* (1824–1881) – священник Уэслианской методистской церкви. (Ред.)

¹⁰ *Маккензи Эдвард Чарльз Уолкотт* (1821–1880) – британский священник, богослов и знаток древностей. (Ред.)

Уильям Пенджелли

Уильям Морли Паншон

шей прогулки он узнал, что я ботаник, и немедленно предложил сделку. Я должен был обучить его ботанике по растениям и цветам, все еще в изобилии произраставшим в возвышенных частях Йоркширских долин, а он рассказывал мне о главных особенностях древних церковных развалин. Этот план был самым приятным образом реализован в течение оставшейся части нашего пребывания в Болтоне, и наша дружба продолжалась до самой смерти г-на Уолкотта несколько лет спустя.

Покинув Болтон, мы поехали через холмы в долину реки Эр, до Сеттла, остановившись на день в Малхэме. В Сеттле мне не терпелось посетить недавно открытую пещеру Виктории, и я услышал, что г-н Тиддеман¹¹, государственный геолог, в чьи руки было передано исследование пещеры, уже направился к ней, и мы поспешили за ним, чтобы, по возможности, воспользоваться его разумным руководством при ее осмотре. Когда мы были примерно в миле от того места, мы встретили его возвращающимся; но, увидев нас, он любезно вернулся и взял нас с собой. Эта пещера необычайно интересна. Когда ее впервые исследовали, большая часть ее пола была покрыта тремя слоями земли, наложенными друг на друга, каждый из которых представлял собой исчезнувший и продолжительный период истории пещеры с момента ее образования. Самый верхний слой содержал многочисленные кости дикого кабана, барсука, лисы, медведя и северного оленя, очевидно, животных, относящихся к одной из более поздних эпох всемирной геологической истории. Присутствие северного оленя указывает на то, что это было не намного позже ледникового периода. Затем был слой толщиной около десяти-двенадцати футов, в котором не было никаких следов жизни животных. Третий и самый нижний слой, по-видимому, был самым толстым из серии, и в нем были кости первобытных слонов, носорогов, гиппопотамов, медведей, бизонов и гиен. Таким образом, представляется наиболее вероятным, что самые нижние из этих трех отложений образовались, когда пещера была домом для гиены, а фрагменты других, более крупных животных были перенесены по частям, по-видимому, в эпоху, предшествовавшую той, в которой Европа была тем, чем сейчас является Гренландия, покрытая огромным ледяным покровом. Подобным же образом сформировался верхний слой мусора, когда в Британии вымерло большинство древних

¹¹ *Ричард Хилл Тиддеман* (1842–1917) – британский геолог, трудился в Геологической службе Англии и Уэльса. (Ред.)

животных и ледниковый щит исчез. В то время пещера была логовом медведей, которые до сих пор обитают в Европе, где гиены исчезли давным-давно.

После нескольких приятных визитов мы отправились в Кесвик, где нас ждали мои дети и один из сыновей сэра Генри Митчелла. Здесь мы снова завели приятные знакомства. В соседнем доме, рядом с тем, в котором мы жили, остановился джентльмен, очевидно, священник, который мне понравился. Наведя справки, я выяснил, что это преподобный Джон Чарльз Райл¹², известный автор религиозных трактатов и ныне епископ Ливерпульский. Я давно был знаком как с его именем, так и с его работами; теперь я познакомился с умным и увлеченным полевым геологом. Каноник Райл на время поменялся духовными обязанностями со священником приходской церкви в Кесвике, но его будни были в основном посвящены долгим пешим прогулкам в поисках наиболее интересных явлений, которыми эти старые охотничьи угодья Адама Седжвика так изобиловали. Ему ничего не стоило пройти пешком двадцать миль, чтобы посмотреть на какой-нибудь контакт магматических пород со слоистыми сланцами этого района. И в целом я обрел восхитительного компаньона.

Во время пребывания в Кесвике я имел удовольствие сделать два акварельных наброска Тирлмера с его восточной оконечности – виды прекрасного озера, которые никогда больше не увидят путешественники. Г-н Стэнли Лезес любезно одолжил нам свою лодку, чтобы мы могли выбрать лучшие точки обзора. После нашего дневного пикника мы вернулись к г-ну Лезесу, чтобы отдать ключ от его лодочного домика, и, несмотря на то что мы были изрядно потрепаны путешествием, оказались посреди большой и яркой вечеринки в саду, от которой доброта нашего хозяина не позволила нам уклониться.

Следующей осенью, после рождения нашего сына Герберта Кроуфорда, вся семья приехала снова в Болтон в Уорфедейл; на этот раз, однако, мы жили на ферме. Во время нашего пребывания у нас была прекрасная возможность оценить сердечность и великодушие покойного герцога Девонширского¹³. Герцог и его свита остановились в аббатстве для охоты, поэтому управляющий распорядился, чтобы все окрестные арендаторы поставляли домашнюю птицу, яйца, масло, форель,

Джон Чарльз Райл

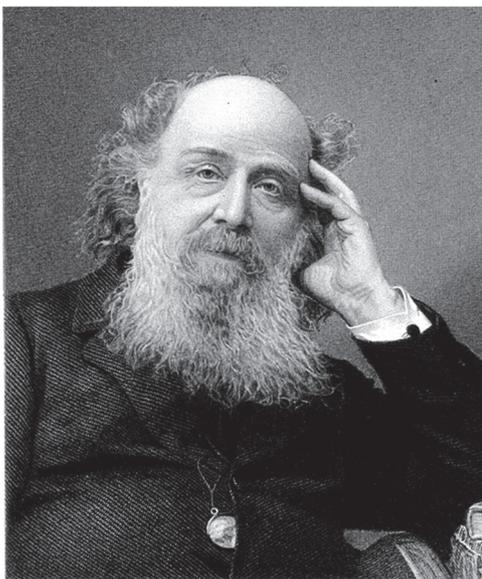
Герцог Девонширский

в общем, все необходимое. А так как мы были в семи милях от любого магазина, наш стол мог оказаться неустроенным, но герцог, зная, что мы живем по соседству, распорядился, чтобы нам каждый день присылали что-нибудь из дичи, домашней птицы или рыбы.

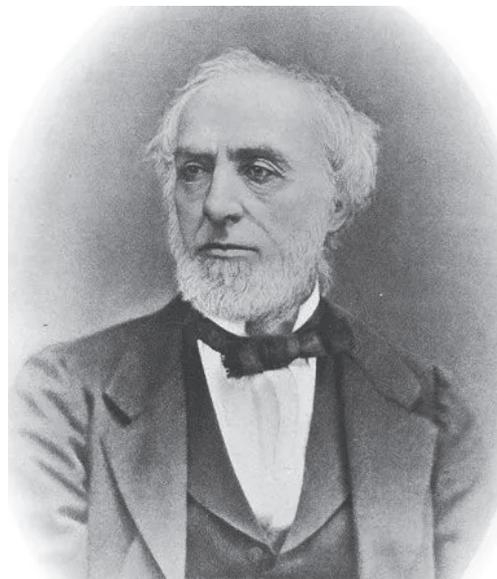
Однажды герцог случайно показал мне небольшую рану на передней поверхности берцовой кости. Каждый опытный хирург знает, что некоторые несчастные случаи, если ими пренебречь, могут привести к таким неприятностям, как эта. Рана герцога начинала воспаляться и казалась угрожающей, но я убедил своего пациента отдох-

¹² Джон Чарльз Райл (1816–1900) – англиканский епископ, проповедник и писатель. (Ред.)

¹³ Уильям Кавендиш, 7-й герцог Девонширский (1808–1891). (Ред.)

Джеймс Джозеф Сильвестр

Джеймс Роберт Нейпир

нуть несколько дней и наложил теплую водяную повязку, ценность которой я узнал за время пребывания в больнице от ее великого мэтра Листона, и улучшение быстро наступило.

Одно печальное происшествие омрачило удовольствие от этой поездки. Моя вторая дочь, Минни, в течение некоторого времени чувствовала себя неважно, и теперь стало очевидно, что причиной было более серьезное и органическое недомогание, чем я предполагал до сих пор. Последующий год показал, что у нас было достаточно причин для беспокойства.

В этом году собрание Британской ассоциации состоялось в Бристоле. Оставив моих людей в их фермерском доме, я на несколько дней остановился в доме г-на Фрая, знаменитого производителя шоколада. Другим гостем был д-р Фарр, начальник статистического отдела Главного управления регистрации. Веселье не покидало маленький кружок. Среди забавных фактов, рассказанных д-ром Фарром, был довольно поразительный: после сорокапятилетнего возраста на одиннадцать замужних вдов приходится одна незамужняя женщина.

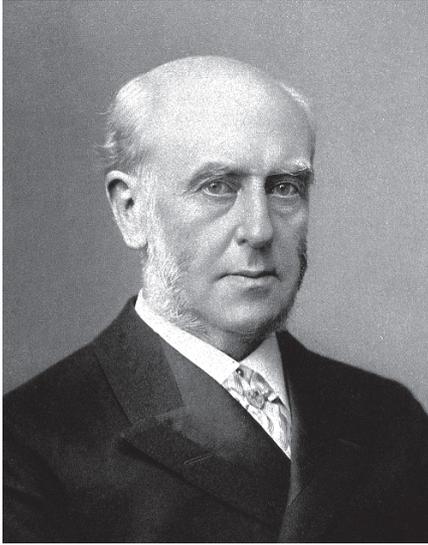
Во время этого визита у меня был пример ошибочных суждений, к которым можно прийти, основываясь только на внешних признаках. На большом званом завтраке, где нашим хозяином был член Бристольской корпорации, я оказался

сидящим рядом с незнакомым мне джентльменом. Научный кружок был великолепен, но мой сосед не проронил ни слова, пока мы сидели бок о бок. Я попытался представить себе, кто он такой, и пришел к выводу, что он совершенно не в своей тарелке, ему было очень неудобно, и он не проявлял никакого интереса к происходящему вокруг него разговору. Судите же о моем изумлении, когда я обнаружил, что моим молчаливым соседом был не кто иной, как Джеймс Джозеф Сильвестр¹⁴, и что я, по своей самонадеянной глупости, провел целый час в тишине бок о бок с одним из самых выдающихся математиков в мире.

В 1876 году Британская ассоциация провела свое собрание в Глазго, где мы с женой были гостями г-на Дж. Нейпира¹⁵, деятельного партнера знаменитой судостроительной фирмы с таким же именем. Одним из самых интересных событий встречи для меня стала поездка на остров Арран. На борту судна находился мой новый друг г-н Вунш, он недавно обнаружил лес каменноугольного периода, погребенный под вулканическим пеплом в заливе Лагган, недалеко от упавших камней на восточном берегу острова. Пни нескольких огромных лепидодендронов сохранились на своих исходных местах. Пароход встал напротив леса, в то время как мы с г-ном Вуншем и несколькими незнакомцами отправились на берег в лодке, чтобы доставить на борт один из са-

¹⁴ Джеймс Джозеф Сильвестр (1814–1897) – британский математик, прославившийся работами по алгебре, теории чисел, математической физике. (Ред.)

¹⁵ Джеймс Роберт Нейпир (1821–1879) – британский инженер, занимался теорией и практикой судостроения. (Ред.)

Арчибальд Гейки

Томас Эндрюс

мых красивых пней, который был специально выкопан для нас несколькими днями ранее. Тем временем Арчибальд Гейки¹⁶, глава Шотландской геологической службы, намекнул мне, что гости на палубе будут не против, если я поднимусь на мостик парохода и прочитаю им короткую речь о флоре каменноугольного периода, включая флору залива Лагган, что я и сделал.

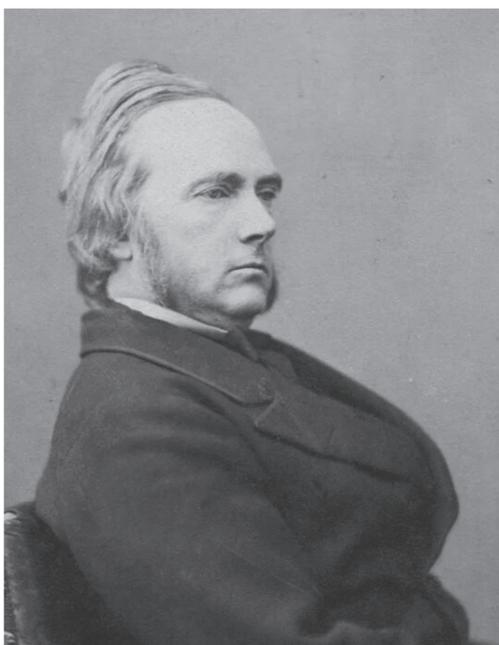
Позже, когда я объяснял особенности этого дерева президенту Ассоциации¹⁷ и некоторым членам его семьи, я был прерван яростной ораторской атакой незнакомого шотландца, похожего на священника, который осудил меня не только за то, что я только что сказал президенту, но и за мою небольшую лекцию с мостика. Он заявил, что я проповедую дьявольское учение (думаю, из-за ссылки на большую древность моих растений), что я сбиваю с пути души и отправляю их в место, которому нет названия, хотя тогда он назвал его достаточно четко. Я пытался избавиться от этого грубияна, но безуспешно, пока не призвал президента воспользоваться своими официальными полномочиями и заставить его замолчать. Г-н Вунш выяснил, кто такой этот поборник ортодоксии, и, оказавшись в следующее воскресенье по соседству с пресвитерианской часовней, в которой обычно выступал мой обидчик, он зашел туда и, как ни странно, застал проповедника, излагавшего своему народу то, что произошло и с каким «дьявольским учением» я стремился увести души благочестивых шотландцев в сторону от истины. Мне, очевидно, повезло, что дни инквизиции давно прошли.

Одно из самых многолюдных заседаний в этом году состоялось на геологической секции, где, как было объявлено, герцог Аргайл¹⁸ собирался прочесть доклад о ледниковой эпохе, против существования которой он всегда выступал. Он достаточно хорошо понимал, что пример Гренландии является веским аргументом в поддержку сторонников гляциологии, но оспаривал точность их интерпретации условий этой страны. Мы всегда придерживались мнения, что это огромный континент, покрытый ледяным щитом неизвестной толщины. Он отрицал это и утверждал, что эта страна состоит из небольшой группы островов, разделенных узкими проливами, на которых лежит лишь тонкий слой льда и снега. Естественно, я ответил, что огромные ледники, текущие с ледяного щита, слишком велики, чтобы они могли разгружаться с такой страны, какой он считал Гренландию; тем более что такое явление, как ледник Гумбольдта, имеющий пятьдесят миль в поперечнике от края до края, было бы невозможно при та-

¹⁶ Арчибальд Гейки (1835–1924) – британский геолог, ученик Р.И. Мурчисона, избирался президентом Лондонского Королевского общества, Лондонского геологического общества, Британской Ассоциации содействия развитию науки. (Ред.)

¹⁷ В 1876 году президентом Британской Ассоциации был химик Томас Эндрюс (1813–1885). (Ред.)

¹⁸ Джордж Дуглас Кэмпбелл, 8-й герцог Аргайл (1823–1900) – британский государственный деятель, пэр, избирался президентом Лондонского геологического общества и Британской Ассоциации содействия развитию науки. Среди его многочисленных научных интересов были геология и теория эволюции. (Ред.)

Герцог Аргайл

ких условиях. После отважных исследований д-ра Нансена нет необходимости спрашивать, кто из нас был прав.

Летом 1877 года мы отправились на каникулы в Данун, чтобы в пределах нашей досягаемости был залив Лагган, который мне не терпелось подвергнуть дальнейшему осмотру. Договорившись с моим другом г-ном Вуншем о встрече с нами там и убедившись, что, если нас устроит ночлег, какой может дать пастушья хижина, мы не только сможем остаться на всю ночь, но и будем радушно приняты, мы с женой постарались как можно лучше добраться туда. По прибытии в Корри нашим первым делом было раздобыть лодку и лодочников, которые отвезли бы нас в залив Лагган; но это оказалось нелегкой задачей, так как большинство лодок, которые мы видели, были частным имуществом и большинство этих прекрасных мужественных людей были рыбаками. Наконец мы встретили жалкого на вид человека, который за непомерную плату согласился грести для нас; и, будучи совершенно не в состоянии найти ничего лучшего, мы приняли его услуги. Нам потребовался почти час, чтобы добраться до ручья, который вытекает из долины Саннокс. Еще пятнадцать минут мы потеряли из-за неприятного открытия, что на камнях немного севернее ручья Саннокс отдыхал красивый молодой тюлень. Наш лодочник настаивал на поимке этого тюленя, однако этот подвиг совершить ему не удалось. К

нашей великой радости, как раз в тот момент, когда мы подошли к нему на расстояние нескольких ярдов, а наш человек готовился ударить ни в чем не повинное маленькое создание по голове, оно соскользнуло со скалы, нырнуло под нашу лодку в глубокую воду и не появлялось до тех пор, пока не оказалось вне опасности. Мне почти показалось, что я увидел, как маленькое животное одавило своего потенциального похитителя чем-то вроде насмешливого подмигивания, когда оно вырвалось у него из рук. После этого стало очевидно, что этот человек совершенно не справлялся с задачей, которую он взял на себя; поэтому мы заставили его высадить нас на берег, и остаток пути до места назначения мы проделали пешком. Вскоре после нашего прибытия мы увидели г-на Вунша, спускающегося по горной тропинке нам навстречу, он пришел со стороны озера Ранза; и вскоре мы уже исследовали наш ископаемый лес.

Совсем рядом с нашим лесом была узкая полоска ровной земли, идущая параллельно берегу, но на несколько ярдов выше уровня приливов. Часть этого участка была превращена в небольшое ячменное поле; остальная часть представляла собой приятный зеленый луг, по которому бродило множество разнообразных обитателей фермерского двора, а в центре стояла наша крошечная пастушья хижина, по-видимому, единственное строение с крышей на многие мили вокруг. За домом быстро поднималась прекрасная гряда холмов, тянувшаяся на север к озеру Ранза и на запад к центру острова. После часа или двух напряженной работы голод заставил нас позаботиться о нашем жилье и еде. Мы нашли маленький одноэтажный домик с дверью посередине, окном с каждой стороны, соломенной крышей и сараем, построенным с левой стороны. Заглянув в дверь, мы обнаружили большую квадратную комнату, очевидно, «жилище»; в очаге пылала торфяная зола. Напротив нас, у стены стояли две кровати, сделанные на манер корабельных коек; где-то громко тикали часы; там было несколько стульев, пара столов, много детей и хорошая, доброжелательная хозяйка, которая тепло встретила нас и сказала, что наш «чай будет готов через несколько минут». А пока «не желает ли леди осмотреть свою спальню?», и она показала нам дверь в левой стене дома, которая вела в крошечную комнату, возможно, самую маленькую из тех, в которых я когда-либо спал. За этим чуланом была большая комната, заваленная шкурами, а по другую сторону от нее – коровник с коровой и теленком, которые всю ночь пели нам серенады.

В нашей маленькой комнате стояли два великолепных резных дубовых сундука, единственный стул, небольшая дубовая кровать, массивная, похожая на ящик, и очень много овечьих и телячьих шкур, которые были разложены под кроватью и в каждом уголке комнаты, а на широком, красивом подоконнике лежала семейная библия, стихи Бернса, «Путешествие пилигрима» и «Шотландский псаломпевец». Наши сердца немного сжались при мысли о шкурах и о том, каким животным они принадлежали; но мы были настроены на веселье, и это было частью веселья. Мистер Вунш должен был спать на одной из коек в «жилище»; пастух, его жена, сестра его жены и все дети, как мы предполагаем, спали в другой – по крайней мере, мы ничего не слышали об обратном. После нескольких минут осмотра наша хозяйка позвала нас на чай, и там, на зеленой лужайке, мы увидели стол, уставленный свежеспеченными в торфяной золе пирогами, грудями свежего масла и таким чаем, о каком я раньше и не мечтал. Мы втроем сидели за столом; вокруг нас были куры, утки, гуси, свиньи в изобилии, собаки, кошки, ослы и дети, все они были несколько удивлены этим нововведением. Позади нас были горы, впереди – море, а за ними – побережье Эршира, устье Клайда и остров Бьют; в то время как к северу простирались спокойные воды озера Лох-Файн, изобилующие лодками с сельдью. В нескольких ярдах от нас журчал прелестный горный ручеек, наш единственный умывальник.

Мы провели вечер, взбираясь на горы, любясь заходящим солнцем и наслаждаясь чистотой воздуха и красотой окружающей местности. Как нетрудно догадаться, мы легли поздно и встали рано; но едва были готовы, как увидели приближающуюся лодку, на веслах которой сидели двое энергичных каменотесов, которые не только принесли нам на завтрак вкусную свежую рыбу и хлеб, но и пришли помочь нам выкапывать деревья. Завтрак был, если это возможно, даже лучше вчерашнего чая, поскольку теперь все блестело в утреннем свете и искрилось от росы. После сытной трапезы мы приступили к работе, сначала очистив большую часть твердого слоя вулканического пепла, под которым была погребена группа деревьев, и таким образом обнажились дополнительные стволы. Как правило, они были около двух футов в диаметре и в основном в необычном состоянии. Это были просто цилиндры с внешней корой, все внутренние структуры исчезли. Помимо более нежных внутренних участков коры каждый ствол должен был иметь твердую цент-

ральную ось из сердцевины и древесной ткани около трех дюймов в диаметре, но от них не осталось и следа. Фрагменты этих осей были видны то тут, то там в окружающем вулканическом пепле, но не внутри самих деревьев. Однако один большой стебель содержал не менее шести из этих отсутствующих структур, большинство из которых были самого большого размера; в то время как в ассоциации с ними, внутри кортикального цилиндра, было большое количество чужеродного растительного материала, включая фрагменты корней этих деревьев, которые теперь известны как стигмари. Нереально, чтобы более чем одна из этих сосудистых осей могла принадлежать дереву, в котором мы их обнаружили. Нетрудно догадаться, что произошло. На том месте, где мы нашли эти остатки, раньше росла роща. При жизни она находилась в центре вулканического региона, такого как Овернь. Тем не менее, деревья продолжали расти, пока не достигли своих максимальных нормальных размеров, но в конце концов они погибли, вероятно, из-за ядовитых паров, которые наполняли атмосферу и происходили не только из вулканических жерл, которыми изобилует сам Арран, но и от вулканов Эйршира. Как бы то ни было, они погибли, и со временем их верхние стебли и ветви опали и исчезли, не оставив ничего, кроме карликовых пеньков, которые часто встречаются там, где существуют так называемые подводные леса.

Где бы мы ни находили такие деревья, сохранившиеся в ископаемом состоянии, мы обнаруживаем, что внутренние слои коры исчезают первыми, а внешняя кора состоит из прочного волокнистого материала, который противостоит разрушительным воздействиям. Но именно эти внутренние слои коры удерживали центральную сосудистую ось на своем месте. В то время как деревья, вероятно, оказались затопленными, вода, залившая их, вымыла все рыхлые разлагающиеся растительные вещества, которые в противном случае удержала бы защитная кора каждого ствола внутри своих цилиндрических стенок. Состояние всех наших стволов, за исключением одного, показывает, что таким образом были удалены не только фрагменты внутренней коры, но и каждая центральная сосудистая ось. Таким образом, мы обнаружили, что внутренняя часть большинства из этих деревьев была заполнена чистым вулканическим пеплом, почти без примеси каких-либо растительных элементов. Но нечто большее случилось с одним исключительным деревом, большой поперечный срез которого сейчас нахо-

дится у входа в мой дом, а остальные я подарил Оуэнсовскому колледжу, и сейчас это одно из сокровищ геологического музея.

Это дерево, вероятно, прошло через те же стадии разложения и исчезновения его внутренних тканей, как и его собратья. Оно было превращено в полый вертикальный сосуд, затопленный приливом, который аналогичным образом опустошил остальные стебли. Но очевидно, что унесенный

таким образом материал и несколько веток и корешков уплыли не очень далеко. Какое-то счастливое течение принесло их обратно к тому месту, где стояло наше единственное дерево, и поместило в его дупло, где их надолго запечатал вулканический пепел и где они оставались до нашего визита. Сохраненное таким образом дерево более поучительно, чем любое другое, попавшее в поле моего зрения, из какой бы то ни было части света.

(Продолжение следует)